

УДК 159.9

УРОКИ СОВЕТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

© 2024 г. Е. А. Сергиенко

ФГБУН Институт психологии РАН;
129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.
Доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник.
E-mail: elenas13@mail.ru

Поступила 20.05.2024

Аннотация. Работа посвящена анализу сборника научных трудов “Советская психология: этап истории науки и менталитет” / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Д.В. Ушаков, А.В. Юревич. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2024. Выделены главные идеи, представленные в 21 статье данной книги. Изучая ретроспективный анализ работ, сформулировано семь основных уроков для современной психологии, позволяющие увидеть значение советского периода для развития науки. Первый урок состоит в том, что, несмотря на идеологическое давление и попытки унификации психологии, в ней с большим опережением реализовывались принципы постмодерна и метамодерна, характерные для современной методологии. Многие идеи и теории опередили свое время. Они актуальны и развиваются сейчас. Урок второй — это становление психологии как признанной научной дисциплины, которая была институционализована, организована, обрела квалификационный статус. Третий урок учит нас, что пространство научной психологии должно быть восстановлено: заполнены лакуны открытием забытых имен ученых, проанализированы их достижения и вклад в развитие научной мысли. Разработка и решение научных проблем в психологии коренятся в советском периоде, определяя непрерывность научного познания, — в этом четвертый урок. Пятый урок показывает нам, что прикладная психология развивалась интенсивно в советский период, и ее многие достижения остаются актуальными и сегодня. Шестой урок вытекает из анализа психологии советских людей. Реальный, взвешенный анализ указывает на амбивалентность характеристик советских людей, ограниченность их экономического менталитета, наличие двойной морали, доносы, страх перед властью. Наконец современное психологическое сообщество не должно забывать, какую цену заплатили многие ученые за свои убеждения, какой разгром целых направлений в психологии был пережит. Советский период развития отечественной психологии более разнообразен и неоднозначен, чем представлялся ранее. Выполненный проект анализа советского периода психологии с позиций современной науки показал его высокую эффективность и перспективность. Заполнить лакуны в истории отечественной психологии не только принципиально для науки, но также является нравственным долгом перед поколением советских ученых.

Ключевые слова: история психологии, советская психология, уроки советской психологии, неоднозначность развития советской психологии, непрерывность развития психологии, теория и практика, историческая психология.

DOI: 10.31857/S0205959224030116

Исследуемый научный труд объединяет обращение к проблеме роли и значения советского периода в отечественной психологии и характеристики советских людей, их менталитета. Этот коллективный сборник — первая попытка проанализировать научное развитие психологии в советский период с позиций постсоветской науки. Он реализован Институтом психологии РАН и собрал мнения как широко известных авторов в области историко-аналитических исследований, так и ученых, менее известных в данной области. Трудность общения идей данной книги состоит в том, что при

ее большом объеме в 700 страниц невозможно оторваться от чтения статей, настолько они насыщены и открывают новое прочтение нашего научного наследия, при этом все представляется важным и новым. Задача настоящей работы — предложить читателю выделенные значимые идеи, заключенные в работах авторов книги.

Как верно указывают авторы предисловия, отношение к эпохе советского периода до настоящего времени остается поляризованным, однако попытки научного ретроспективного анализа становления научной психологии современного этапа

чрезвычайно важны для понимания преемственности теории, методологии, практики, с одной стороны, и рефлексии тех изменений, которые происходят в постсоветский период, с другой.

Книга включает в себя три основные проблемные темы:

I. Общие процессы в советской психологической науке;

II. Специфические явления в советской психологии;

III. Психология советских людей, которые и представлены в данных разделах.

Все три темы раскрывают для нас различные аспекты, значения, роли непрерывности развития научной мысли от советского периода и до наших дней.

Первый раздел “Общие процессы в советской психологической науке” фактически дает нам первый и важный урок. Советская психология развивалась часто вопреки идеологическому давлению, попыткам унифицировать теоретические основы психологии на базе марксистской теории; процесс развития в этот период трудно считать однозначно оторванным от зарубежных направлений и течений в психологической науке. Постмодерн и метамодерн современной научной психологии был подготовлен именно в этот период развития науки. Для доказательства этого урока обратимся к краткой характеристике работ первого раздела.

Так, в статье С.А. Богданчикова “Советская психология как предмет и проблема историко-психологического исследования: концептуально-историографический подход” автор обосновывает необходимость изучения советской психологии именно в рамках разрабатываемого подхода, где ключевым является понятие “историографическая концепция”. Историографическая концепция — это совокупность наиболее общих представлений, принципов и констатаций (относительно предмета, метода и объяснительных механизмов), абстрактная схема, максимально “очищенная” от эмпирии, с которой исследователь истории подходит к изучаемому объекту.

Используя данное теоретическое основание, Богданчиков выделяет две историографические концепции советского периода: *особая психология* и *репрессированная*. Советская психология рассматривалась как особая (принципиально новая, марксистская, советская) наука о психике (психической деятельности), в соответствии с требованиями государственной идеологии и противопоставляемая всей остальной (как прошлых времен, так

и современной зарубежной) психологии. В постсоветский период советская психология стала описываться как история “репрессированной науки”, развивающейся не столько благодаря, сколько вопреки господствовавшей государственной идеологии. Рассматривая разные взгляды сквозь призму двух концепций, автор указывает, что с 1980—1990-х годов начался период деидеологизированности, который показал непрерывность и неразрывность развития разных периодов психологии, неотторванность ее от зарубежных концепций и течений и необходимость непредвзятого анализа.

Значительная аргументация в анализе этих двух концепций советской психологии детально проанализирована в работе М.С. Гусельцевой “Неканоническая история советской психологии: постановка проблемы”. Прежде всего автор обращается к метафоре айсберга, где за видимой и известной частью истории советского периода в психологии (канонической частью) скрывается “основательная, но не попадающая в поле зрения, неотрефлексированная часть” [3, с. 36], и делает вывод, что наряду с другими пластами жизни и творчества в тот период существовали ускользающие от объективного анализа пласты непроработанных культурно-психологических травм субъектов советской эпохи, а также проблемы саморефлексии науки. М.С. Гусельцева представила разносторонний и обширный обзор современной неканонической истории советской психологии. Она подчеркивает важность архивного поворота, который открывает нам забытые и неизвестные имена, факты, теории, тем самым “латая дыры” в общем пространстве развития психологической науки. Она приводит истории создания и закрытия институтов и журналов, популярных и важных, но идеологически неугодных. Гусельцева дополняет схему анализа Богданчиковым “особой науки”, “репрессированной” науки еще одной концепцией развития “*науки в авторитарных системах*”. Она также обращает внимание на латентные, скрытые, маргинальные идеи, содержащиеся в теориях, подавляемые государством, которые не исчезают, а всплывают в смежных науках, самоорганизуются, реализуясь в творческие продукты. На примере педологии и развития идей С.Л. Рубинштейна продемонстрировано “прорастание” идей сквозь толщу политического давления.

Продолжает эту линию анализа работа Т.В. Зеленковой “Зарождение идей пост- и метамодерна в советской психологии”. Автор выделяет основные черты методологии в разные периоды развития научного знания, в психологии. Она отмечает, что направленность метамодерна — это интеграция

различных идей, теорий или концепций в науке, даже таких противоречивых, как мозг и психика, субъект и объект, внешнее и внутреннее, индивидуальное и коллективное, процесс и структура, сеть и иерархия. Методологическими принципами разрешения этих противоречий выступают холизм, хо-лархический подход (объединяющая парадигма должна превосходить, добавляя новое знание, и включать в свернутом виде знания своих предшественников, которые продолжают активно функционировать, но уже в контексте этой более общей парадигмы), аперспективизм (принцип выражает идею существования различных, часто взаимоисключающих решений какой-либо проблемы, причем ни одно из них не имеет никакого преимущества перед другими), энактивизм (относительно новый интеграционный принцип, допускающий существование перекрестных взаимозависимостей, например, между психическими и физиологическими процессами, организмом и средой и т.п.), учет позиции исследователя (участника/наблюдателя), используемые, по возможности, совместно. В постмодерне на первый план выступает познающий субъект, конструирующий картину мира. Основной период развития советской психологии пришелся на эпоху позднего модерна, тогда как остальной научный мир с начала XX в. уже шел под флагом постмодерна. Это создавало объективные условия для проникновения новых идей и нового способа мышления в советскую психологию. Зеленкова пишет, что “к сожалению, многие глубокие идеи, высказанные классиками отечественной психологии и имеющие прямое отношение к метамодерну, остаются практически не востребованными в современной российской психологической науке” [7, с. 111]. Восполняя этот пробел, она анализирует теорию Н.А. Бернштейна о построении движений, культурно-семиотическую концепцию психики М.М. Бахтина и философско-психологические взгляды С.Л. Рубинштейна, выделяя в них все методологические принципы, характерные для метамодерна. Детальный и доказательный анализ вызывает восхищение глубиной научных поисков. На примере теории Н.А. Бернштейна автор показывает, как его идеи отражают этап развития постмодерна, опережая многие открытия. Так, открытие Ф. Варелой явления аутопоза тождественно идее, которую высказывал Бернштейн о непрерывном самовоспроизводстве и самопостроении организма. При рассмотрении культурно-семиотической концепции психики М.М. Бахтина Зеленкова также демонстрирует те признаки опережающих решений на основе постмодерна и метамодерна на материале психосемиотики, исследующей знаковую деятельность человека. Интегрирующие

идеи С.Л. Рубинштейна также опередили свое время и отражают основные принципы постмодерна и метамодерна.

Дискуссионной становится часть статьи Т.В. Зеленковой об элементах сетевого подхода в системе психологических понятий А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского. Здесь мы находим пересечения с нашей гипотезой о системно-сетевой организации понятий [6]. Она пишет: “Задача сетей в целостной системе — обеспечение полноты, динамики и разнообразия входящих в нее элементов. Задача иерархий — обеспечение их точности и упорядоченности. В сочетании сети и иерархии — проявление одной из форм принципа дополнительности Бора. Сети при этом находятся во внутренней позиции участника, иерархии — во внешней позиции рефлексирующего наблюдателя. При совместном функционировании сеть и иерархия, дополняя систему до целого, ведут себя как двуликий Янус, как две стороны одной сущности, рассматриваемой под разными углами” [7, с. 145]. Пересечение этой идеи с нашей гипотезой о системно-сетевой организации понятий находит свое дальнейшее развитие. Однако, представляя нашу гипотезу, мы аргументировали возможность не противопоставления, а взаимодополнения сетевого и иерархического принципов, что и нашло свое отражение в работе Т.В. Зеленковой. Более того, описывая понятийную сетку Петровского и Ярошевского, мы подчеркивали, что авторы приводят сравнение “взаимоотношения категорий внутри плеяды со взаимоотношениями лейбницанских монад: каждая отражает каждую, сообщая ей дополнительное определение” [12, с. 3]. Здесь уместно напомнить голографический принцип, иллюстрируя взаимоотношение базисных и метапсихологических категорий: “часть голограммы (базисная категория) включает в себе целое (метапсихологическая категория), достаточно взглянуть на любой фрагмент голограммы под определенным углом зрения” [Там же, с. 13]. Категориальная сетка воплощает принцип системности, чертами которого становятся связанность и взаимообусловленность категорий, выделение иерархии их развития, выделение уровней нисходящего и восходящего детерминизма, соединяющих в единое целое онтогенез и социогенез психики. Мы отмечали, что “приведенная категориальная система А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского имеет общие принципы организации с идеями К.К. Платонова: выделение понятий разных уровней, образование плеяд и кластеров, иерархичность построения, единство понятий и принципов психологии. Следует признать, что в работе Петровского и Ярошевского система категорий наиболее разработана

и детальна, но основные идеи, положенные в ее основу, безусловно, имеют общность с системой категорий и понятий К.К. Платонова” [5, с. 9]. Однако системная связанность понятий не тождественна их сетевой организации, что также отмечалось нами [6]. Следует при этом напомнить, что если идеи К.К. Платонова были сформулированы в 1972 г., то систематизация понятий Петровского и Ярошевского — в постсоветский период, в 1998 и 2001 г. Но все это действительно подтверждает наличие тенденций реализации постмодерна в психологии.

Интересной в рамках общего раздела представляется работа В.И. Коннова “Психологическая теория в контексте научной политики позднего советского периода”, в которой он раскрывает становление научного направления Института психологии РАН и полемику между Б.Ф. Ломовым и А.Н. Леонтьевым. Проработав непрерывно в Институте психологии РАН более 50 лет, это исследование позволило мне, как автору данной дискуссионной статьи, увидеть логику научного становления нашего Института, а также те сложные процессы, которыми оно сопровождалось. Описывая становление теоретического направления созданного в 1972 г. академического Института психологии, Коннов подчеркивает, что это была борьба за обновление психологической науки не только как гуманитарной и идеологической дисциплины, но и как сплава естественнонаучного и гуманитарного оснований, как науки, не только фундаментальной, но и прикладной, практикоориентированной. Эти процессы нашли свое отражение и в структуре Института, и в его теоретическом становлении. “В результате в новом академическом учреждении сошлись представители трех сильно различающихся психологических течений науки. И одна из немногих объединявших их черт заключалась в том, что все они (каждое по своим причинам) расходилось с центральной для советской психологии теорией деятельности, автором которой был декан психологического факультета МГУ Алексей Леонтьев” [8, с. 186]. Такое расхождение было обусловлено, с одной стороны, разногласиями между теорией деятельности А.Н. Леонтьева и теорией деятельности С.Л. Рубинштейна (напомним, что в состав Института вошел сектор философских проблем психологии Института философии АН СССР, основанный С.Л. Рубинштейном). С другой стороны, у представителей ленинградской школы, наследником и последователем которой был организатор Института психологии Б.Ф. Ломов, существовали разногласия с теорией деятельности Леонтьева, а также разногласия со школой Б.М. Теплова, ученик и последователь которого

В.Д. Небылицын возглавил лабораторию “Психофизиология индивидуальных различий”. В качестве сильного нового направления в психофизиологии была лаборатория В.Б. Швыркова, ученика П.К. Анохина, чья теория шла вразрез с учением И.П. Павлова. Суть разногласий с теорией деятельности А.Н. Леонтьева сводилась к деятельностной детерминации психики, теории уподобления, пониманию психического отражения, предмета психологии. По известной исторической аналогии А.Н. Леонтьева можно условно обозначить для того времени как “почвенника”, а Б.Ф. Ломова — как “западника”, впитавшего современные ему идеи отечественной и зарубежной психологии. Непростые процессы становления нового теоретического направления — системного подхода в психологии — разрабатывались Б.Ф. Ломовым, сочетались с приоритетными задачами прикладных исследований. Статья В.И. Коннова вскрывает истоки становления теоретического направления Института психологии РАН и тот непростой социально-политический контекст, в котором происходил поиск путей обновления психологической науки, утверждения ее теоретико-практической значимости.

Еще один урок анализа советской психологии дают работы, посвященные биографиям отечественных ученых и истории зарождения психологического сообщества в СССР. Так, Богданчиков проводит анализ биографий выдающихся советских психологов и показывает, что за редким исключением это поле скорее остается также слабо проработанным. К восьми биографиям, проанализированным Н.А. Логиновой (Б.Г. Ананьева, В.М. Бехтерева, Л.С. Выготского, А.А. Крогиуса, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурии, С.Л. Рубинштейна и К.К. Платонова), автор добавил еще десять. Мы можем указать на 16 биографических очерков о выдающихся ученых Института психологии РАН [2]. Автор предлагает открыть серию книг с научным анализом идей и биографий отечественных психологов.

О.А. Артемьева [1] подчеркивает, что необходимо изучение становления научного сообщества в целом в противовес анализу вкладов отдельных ученых и социальных противодействий науке. В основу анализа автор положила субъектный подход, а точнее, представления о коллективном субъекте, разрабатываемые А.Л. Журавлевым [4]. При изучении становления научного сообщества как коллективного субъекта автор использует стадии, выделенные Журавлевым: предсубъектность, становление собственно субъектности и стадия развития того субъекта. Ее анализ показал, что за период 1922–1953 гг. можно выделить три стадии:

на стадии преисубъектности 1922–1931 гг. отмечается поиск методологических основ психологии и ее общих принципов. На стадии становления субъектности 1932–1939 гг. — уточнение конкретных теоретических ориентиров, создание научных журналов, институтов, относительный разрыв с зарубежной, буржуазной психологией, подчеркивание отечественных достижений. 1940–1953 гг. — стадия развитого субъекта — означает становление самостоятельности психологии как науки в ходе “Павловской сессии”, работу специализированных ученых советов по защитах диссертаций, организацию прикладной и практической психологии.

Эти две работы ясно указывают на очень слабое знание истории нашей науки, оформления ее в самостоятельную дисциплину и тех персоналий, которые внесли значительный вклад в ее развитие.

Важные уроки дает нам и второй раздел книги “Специфические явления в советской психологии”. Название раздела представляется неудачным, поскольку, в чем же состоит специфика всех этих разных работ, остается не очевидным. Скорее, речь идет о конкретных теоретико-практических разработках в тот период.

Работы О.Г. Носковой посвящены изучению наследия А.А. Богданова и сравнительному анализу теории деятельности А.Н. Леонтьева и модифицированной концепции Е.А. Климова. Автор, предлагая анализ работ Богданова, выделяет те проблемы психологии, которые актуальны и сегодня, но были сформулированы им около 100 лет назад. Опираясь на социогенетический метод, он предлагал систематизацию психологических знаний, выделяя принцип развития, энергетический принцип, принцип непрерывности в рассмотрении изучаемых явлений, принцип причинности, принцип приспособления живой формы к среде обитания, организационный принцип, включающий психические процессы в целостную психическую систему регуляции жизнедеятельности человека. Кроме того, сопоставляются представления Богданова о непрерывности развития психики в эволюции, включая критерий ее появления — чувствительность у низших организмов (что соответствует и представлениям А.Н. Леонтьева о происхождении психики), говоря о возникновении речи, он указывает на необходимость трудовой совместной деятельности людей (аналогично решается вопрос и у Леонтьева). «Положения “Тектологии” А.А. Богданова могут использоваться при разработке идей системной методологии научного познания в любой отрасли психологической науки» [11, с. 251]. Он вводит понятие “психологического подбора” (сравнивая с естественным отбором) как

механизма формирования личностных типов. О.Г. Носкова заключает, что научное творчество А.А. Богданова — это “важный научно-методологический вклад в становление отечественной психологии конца XIX — начала XX в.... для многих научных направлений” таких, как общая психология, сравнительная психология, психофизиология, когнитивная психология, психология личности, психология развития, дифференциальная психология, клиническая психология, социальная психология, психология воздействия, психология воспитания, психология религии, организационная и экономическая психология, психология труда и др. [11, с. 251–252]. В должной мере идеи А.А. Богданова не отрефлексированы современной научной психологией, что важно не только для исторического анализа, но и для теоретико-методологического развития науки.

О.Г. Носкова проводит детальное сравнение концепций деятельности А.Н. Леонтьева и Е.А. Климова на основе содержательного анализа основных понятий и их наполнения и показывает наличие новаций в теории деятельности Е.А. Климова, причина которых кроется в своеобразии решения практических задач, тогда как философские основания и Климова, и Леонтьева, были едины. Следовательно, требования психологии труда и конкретная реализация теории деятельности способствовали развитию и модификации самой теории. Подобное сравнение важно для понимания соотношения теорий и подходов, что нами было предпринято в более общем виде [10].

Е.А. Климов известен своими работами в области психологии труда. Именно развитие этой отрасли имело драматическую историю в советский период. Н.Ю. Стоюхина в статье “Обсуждение вопросов советской психотехники и психологии труда на психологических съездах первой половины XX в.” собрала и проанализировала большой материал становления психотехники, отраженной в проведенных съездах и конференциях. Автор выделила этапы развития данной области психологии, обретение ею реального потенциала, силы и фактическое прекращение этого направления в 1936 г. Впоследствии к вопросам психологии труда как новому обозначению психотехники широко обратились лишь на совещании 1957 г.

В психологии развития, да и в общей психологии природа психики человека была и остается одним из центральных вопросов. И.А. Мироненко в статье “Биосоциальная проблема в советской психологии” подчеркивает, что «в контексте социальных конфликтов первых десятилетий этого периода и последующего противостояния в мире двух

политических систем, “капиталистического лагеря” и “лагеря социалистического”, вопрос о соотношении *nature and nurture* — один из самых идеологически заряженных. Научные теории и факты здесь непосредственно соотносятся с уровнем социальной мобильности, существующим в обществе, с принципами рекрутации в те или иные социальные группы. Структура соотношения различных школ в психологии XX в. во всей полноте отразила историческую эпоху сосуществования антагонистических социальных систем с их обостренной чувствительностью к идеологическим аспектам научного знания» [9, с. 272]. То есть вопрос о становлении человеческой личности благодаря природе или обществу приобрел политический характер. Автор статьи раскрывает истоки зарубежных поисков решения данной проблемы, их развитие в до-революционный и советский периоды. Перестройка психологии на основе марксистской теории привела к пониманию человека как полностью социального существа, однозначно обусловленного общественными отношениями, устройством общества в определенный исторический период. Борьба теорий, принимавших природное в человеческом развитии и подчинявших его только общественным условиям, велась в рамках разных научных школ. И.А. Мироненко раскрывает логику разногласий между И.П. Павловым и И.М. Сеченовым, между двумя традициями, заложившими противостоящие друг другу взгляды на природу человека: Н. Чернышевский — В. Соловьев. Она анализирует развитие идей о природе психического Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, московской и ленинградской психологической школ, теорию А.Ф. Лазурского, разработку проблемы биологического и социального в русле структурно-функциональных моделей личности в российской психологии 1960–1980-х годов: модели А.Г. Ковалева и К.К. Платонова. Данная работа дает глубокое научное представление о неоднозначности понимания человеческой природы в советский период, столкновении мнений, борьбы за понимание природы человека.

Проблема развития морали и нравственности как психологическая проблема стала изучаться сравнительно недавно. Но статья А.Л. Журавлева и А.А. Костригина “Разработка проблем психологии нравственности в Институте психологии АН СССР в 1972–1991 г.” показала становление данной проблематики за 20-летний период работы Института. При этом психология нравственности развивалась внутри других областей психологии: социальной психологии, психологии труда, психологии личности, общетеоретических проблем психологии, постепенно оформляясь

в самостоятельное и важное направление научного изучения, сыгравшее значимую роль в более поздние периоды жизнедеятельности ИП РАН.

Поучительны также и результаты работы В.А. Мазилова и Ю.Н. Слепко “Век психологии в Ярославле”, в которой авторы прослеживают становление и развитие психологии, анализируя институционализирующие психологическую науку научные или образовательные учреждения; расширение и углубление проблематики психологии; формирование коллектива исследователей и преподавателей. Также в пример можно привести статью А.М. Двойнина по сравнению культурно-исторической теории развития психики Л.С. Выготского, как наиболее распространенной в психологии, с психологией религии. Автор отмечает, что, несмотря на такое пересечение, данная теория имеет значительные перспективы в анализе религиозного сознания как культурно-исторического средства овладения собственным поведением и обстоятельствами.

Еще один урок дает нам анализ В.А. Чикер, статья которой посвящена разработке, апробации и внедрению методов оценки персонала в советское время (1970–1990 гг.). Автор показывает, что разработанные в этот период модели применяются и в настоящее время, сохраняя свои базовые принципы. По своему содержанию, структуре и процедурам они соответствуют методу, известному сегодня как ассесмент-центр. “Ассесмент-центр отражает принципы системности и комплексности оценки персонала на базе имитации (моделирования) сложных ситуаций профессиональной деятельности” [14, с. 510]. Тема развития прикладной психологии раскрывается также в работе А.А. Грачева “Фундаментальное и прикладное психологическое знание в деятельности психологической службы промышленного предприятия конца советского периода”. В настоящее время уже не надо доказывать роль прикладной психологии в результативности и организационной эффективности производственных предприятий и частных компаний. В зависимости от численности сотрудников в рамках предприятия или фирмы существуют психологические службы, отделы, специальные подразделения, осуществляющие социально-психологическое функционирование и организацию труда. Однако к сегодняшнему состоянию организационной психологии в нашей стране привели значительные усилия, реализованные в предыдущий период. Преодолеть разгром психотехники удалось далеко не сразу. Важнейшим шагом в этом направлении была ориентация Института психологии АН СССР, даже по его уставу, на прикладные работы, которые

базировались на фундаментальных достижениях. Автор статьи показывает, какие задачи и в какой последовательности решались Институтом совместно с “Курганприбором”. Важно было доказать эффективность внедрения психологии в работу предприятий. Значительное число сотрудников Института принимали участие в данной работе, которая не только увенчалась успехом, но и привела к ряду государственных постановлений об организации труда на основе психологических служб. Институт психологии доказал, что фундаментальная наука может и должна быть использована в решении прикладных проблем (подробнее см.: [13; и др.]).

Таким образом, анализ второго раздела книги позволяет нам вынести уроки понимания и учета теорий, которые создавались в советский период, их возможного развития и модификации, понимания сложности решения фундаментальных проблем психологии (например, биологического и социального), понимания основ и непрерывности развития решений прикладных задач, значительный багаж которых был приобретен в советское время.

Наиболее эмоционально насыщенным для восприятия становится третий раздел — “Психология советских людей”, который не только дает нам уроки “спокойного” научного анализа советского человека, но и подчас приводит к горьким выводам.

Так, Д.А. Китова и А.Л. Журавлев, анализируя “следы” психологических предпочтений в экономическом менталитете, показали ориентацию на заработную плату россиян как результат преимущественного распространения наемного труда, по сравнению со странами с классической рыночной экономикой (Германия, США, Япония), ориентированными в большей степени на инвестиции и предпринимательские доходы. Следовательно, россияне в своем большинстве серьезно ограничены в распределении своих доходов, что и отражается в их экономическом менталитете.

Три темы изучения психологии советских людей представлены в работах А.В. Юревича: “Советский человек как социокультурный тип”, «Межличностные отношения в СССР: квинтэссенция “развитого социализма”», и “Нравственность в СССР как отражение особенностей советской эпохи”. Описывая различные определения советского человека, автор выделяет три направления в исследовании его психологических особенностей советского менталитета. “Первое направление исходит из того, каким он должен быть, дабы идеологические тезисы получали психологическое дополнение...

Второе направление представлено работами противников советской системы и всего, что с ней связано, в том числе и психологии советского человека, которая предстает как череда психологических нелепостей. В реальной жизни ее представителя было так же трудно встретить, как и носителя во всем идеальной психологии... Третье направление в изучении психологии советского человека делало объектом анализа реальную психологию в переплетении ее положительных и отрицательных сторон, каковой она и являлась” [15, с. 638]. Проводя содержательный анализ межличностных отношений, А.В. Юревич подчеркивает, что отношения “человек—человек” заменялись на “государство—человек”, что и вызывало целый ряд их особенностей. Анализируя нравственность в СССР, автор приходит к выводу, что «экскурс в “оазис нравственности” в советскую эпоху — свидетельствует о том, что такого “оазиса” не существует, каждое время создает свою нишу для безнравственных людей, и советский период нашей истории не является исключением. Кроме того, необходимо учитывать историческую изменчивость критериев нравственного и безнравственного. Нравственное в одно время может оказаться безнравственным в другое, а формы типового проявления безнравственности определяются социальной системой. На ранних этапах истории советского государства такими формами были массовые доносы, на поздних — “двойная мораль”, но всегда безнравственные личности находили область применения своей безнравственности. И, наверное, так будет и впредь» [16, с. 670].

Без преувеличения можно сказать, что данный раздел обладает особенной притягательностью, поскольку за характеристиками людей той эпохи просвечивает и повседневный опыт читателей, успешных пожить в те времена, поэтому оторваться от чтения просто невозможно.

Уроки, которые дает нам описание менталитета советских людей, состоят в том, что реальный, взвешенный анализ советских людей указывает на сосуществование положительных и отрицательных характеристик. Другой урок состоит в том, что горько вспоминать о двойной морали и доносах, “любви к ближнему”, давлении государства на индивидуальность, ограниченности экономических возможностей. Но, с другой стороны, многие люди в те времена сохраняли свое достоинство, были высокоморальны, совестливы, находили возможности самореализации, о чем свидетельствуют жизнь и творчество наших учителей [2].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги чтения коллективного труда о столь сложном советском периоде развития психологии, выделим те уроки, которые оно дает.

Первый урок состоит в том, что, несмотря на давление и попытки унификации психологии под марксистскую идеологию, в советской психологии были реализованы принципы постмодерна, метамодерна, значительно опередившие свое время. Несмотря на изолированность психологии в тот период, идеи мировой науки проникали либо интуитивно рефлексировались и находили свое отражение в психологических теориях и прикладных решениях. М.С. Гусельцева так описывает возможность сохранения идей и теорий: «Представление о латентных изменениях фокусирует внимание на малых и маргинальных исследовательских традициях, неочевидном движении идей, и это влечет за собой ревизию канонических представлений. Если в постсоветской российской историографии педологию, как и иные антропологически ориентированные дисциплины, принято относить к “репрессированной науке”, то с позиции интерпретационных моделей развития науки в авторитарных и тоталитарных системах показано, что в отличие от невозвратно погубленных жизней ученых, научные идеи не исчезают даже после разгрома научных школ, расформирования коллективов, запрета институций, но перетекают в проблемные поля смежных наук, маскируются, эволюционируют, вливаются в новые исследовательские традиции» [3, с. 89].

Урок второй — это становление психологии как признанной научной дисциплины, которая была институализирована, организована, обрела квалификационный статус.

Урок третий. Необходимо открывать и изучать не только биографии забытых или мало известных психологов, но и понимать, что пространство науки создают люди, чья жизнь, посвященная науке, становится почвой для следующих поколений, следующего этапа развития психологии.

Урок четвертый. Решение проблем в современной психологии коренится в их разработках в советский период. Так, решение проблемы биологического и социального в тот период показало сложную борьбу идей, возможности и пути их использования в решении проблемы природы человека.

Урок пятый состоит в том, что психология как прикладная наука, важность которой уже нет необходимости доказывать, также берет свое начало в советский период. Многие известные решения

остаются актуальными и в современной психологии.

Урок шестой. Описание менталитета советских людей состоит в том, что реальный, взвешенный их анализ указывает на амбивалентность характеристик советских людей, ограничения их экономического менталитета, наличие двойной морали, доносы, страх перед властью.

Наконец, урок седьмой. Современное психологическое сообщество, выделяя опережающее во многих областях развитие науки в советское время, не должно забывать, какую цену заплатили многие ученые за свои убеждения, какой разгром целых направлений в психологии был пережит. Необходимо понимать их причины и следствия. Травмированное поколение советских людей и ученых не изжило этой травмы, и ее анализ еще далеко не завершен. М.С. Гусельцева заключила, что “советский период развития отечественной психологии оказывается более разнообразным и неоднозначным, нежели его представляла прежняя историография” [3, с. 90].

В завершение хотелось бы подчеркнуть, что данный научный труд — это первая попытка проанализировать разные стороны в развитии отечественной психологии в советский период. Уровень представленных научных статей чрезвычайно высок, что позволяет говорить о новом качестве историко-психологического анализа, инициатором и во много исполнителем которого стал Институт психологии РАН. Полагаю, что данную книгу можно отнести к научным достижениям, которые имеют важнейшее значение для всего психологического сообщества, для рефлексии не только прошлого науки, но его настоящего состояния и будущего потенциала. Считаю необходимым продолжать данный проект, показавший свою научную перспективность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Артемьева О.А.* История зарождения психологического сообщества в СССР // Советская психология: этап истории науки и менталитет / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Д.В. Ушаков, А.В. Юревич. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2024. С. 211–223.
2. Выдающиеся ученые Института психологии РАН: биографические очерки / Под ред. А.Л. Журавлева. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2020.
3. *Гусельцева М.С.* Неканоническая история советской психологии: постановка проблемы // Советская психология: этап истории науки и менталитет / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Д.В. Ушаков, А.В. Юревич. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2024. С. 35–100.

4. Журавлев А.Л. Коллективный субъект как феномен и понятие в современной психологии // Разработка понятий современной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2018. С. 116–161.
5. Журавлев А.Л., Сергиенко Е.А. Анализ современных понятий в психологии. Часть I. Опыт систематизации понятий // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 3. С. 5–15.
6. Журавлев А.Л., Сергиенко Е.А. Системно-сетевая организация современных понятий психологии (на примере разработок сотрудников Института психологии РАН) // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 3. С. 5–14.
7. Зеленкова Т.В. Зарождение идей пост- и метамодерна в советской психологии // Советская психология: этап истории науки и менталитет / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Д.В. Ушаков, А.В. Юревич. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2024. С. 101–154.
8. Коннов В.И. Психологическая теория в контексте научной политики позднего советского периода // Советская психология: этап истории науки и менталитет / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Д.В. Ушаков, А.В. Юревич. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2024. С. 181–210.
9. Мироненко И.А. Биосоциальная проблема в советской психологии // Советская психология: этап истории науки и менталитет / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Д.В. Ушаков, А.В. Юревич. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2024. С. 270–307.
10. Научные подходы в современной отечественной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко, Г.А. Виленская. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2023.
11. Носкова О.Г. Психологическое наследие А.А. Богданова // Советская психология: этап истории науки и менталитет / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Д.В. Ушаков, А.В. Юревич. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2024. С. 225–255.
12. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Теоретическая психология: учебное пособие для студ. псих. фак. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2001.
13. Служба социального развития предприятия: практическое пособие. М.: Наука, 1989.
14. Чикер В.А. Оценка персонала в советской организационно-социальной психологии 1970 — начала 1990-х годов: концепция и ключевые идеи // Советская психология: этап истории науки и менталитет / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Д.В. Ушаков, А.В. Юревич. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2024. С. 496–515.
15. Юревич А.В. Советский человек как социокультурный тип // Советская психология: этап истории науки и менталитет / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Д.В. Ушаков, А.В. Юревич. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2024. С. 626–642.
16. Юревич А.В. Нравственность в СССР как отражение особенностей советской эпохи // Советская психология: этап истории науки и менталитет / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Д.В. Ушаков, А.В. Юревич. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2024. С. 658–672.

LESSONS OF SOVIET PSYCHOLOGY

E. A. Sergienko

*Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bldg. 1, Russia.
Doctor of Psychological Sciences, Professor, Chief Researcher.
E-mail: elenas13@mail.ru*

Received 20.05.2024

Abstract. The work is devoted to the analysis of the collection of works “Soviet psychology: the stage of the history of science and mentality” // Responsible. ed. A.L. Zhuravlev, D.V. Ushakov, A.V. Yurevich. Moscow: Publishing house “Institute of Psychology RAS”, 2024. The main ideas presented in 21 articles of this book are highlighted. By studying a retrospective analysis of the works, seven main lessons for modern psychology are formulated, allowing us to see the significance of the Soviet period for the development of science. The first lesson is that despite the ideological pressure and attempts to unify psychology, it implemented the principles of postmodernity and metamodernity, characteristic of modern methodology, with great anticipation. Many ideas and theories were ahead of their time and are relevant and are still being developed today. Lesson two is the formation of psychology as a recognized scientific discipline, which was institutionalized, organized, and acquired a qualifying status. The third lesson teaches us that the space of scientific psychology must be restored: the gaps are closed by the discovery of forgotten names, their achievements and their contribution to

the development of scientific thought are analyzed. The development and solution of scientific problems in psychology is rooted in the Soviet period, determining the continuity of scientific knowledge — this is the fourth lesson. The fifth lesson shows us that applied psychology developed intensively during the Soviet period and many of its achievements remain relevant today. The sixth lesson follows from an analysis of the psychology of Soviet people. A real, balanced analysis points to the ambivalence of the characteristics of Soviet people, the limitations of their economic mentality, the presence of double morality, denunciations, and fear of power. Finally, the modern psychological community should not forget what price many scientists paid for their beliefs, what destruction of entire directions in psychology was experienced. The Soviet period of development of Russian psychology is more diverse and ambiguous than previously imagined. The completed project of analyzing the Soviet period of psychology from the perspective of modern science showed its high efficiency and promise. Filling the gaps in the history of Russian psychology is not only fundamental for science, but it is also a moral duty to the generation of Soviet scientists.

Keywords: Soviet psychology, lessons of Soviet psychology, ambiguity in the development of Soviet psychology, continuity in the development of psychology, theory and practice.

REFERENCES

1. *Artem'eva O.A.* Istoriya zarozhdeniya psikhologicheskogo soobshhestva v SSSR. Sovetskaya psikhologiya: e'tap istorii nauki i mentalitet. Eds. A.L. Zhuravlev, D.V. Ushakov, A.V. Yurevich. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2024. P. 211–223. (In Russian)
2. Vy'dayushhiesya ucheny'e Instituta psikhologii RAN: biograficheskie ocherki. Ed. A.L. Zhuravlev. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN". 2020. (In Russian)
3. *Gusel'ceva M.S.* Nekanonicheskaya istoriya sovetskoy psikhologii: postanovka problemy'. Sovetskaya psikhologiya: e'tap istorii nauki i mentalitet. Eds. A.L. Zhuravlev, D.V. Ushakov, A.V. Yurevich. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2024. P. 35–100. (In Russian)
4. *Zhuravlev A.L.* Kollektivny'j sub'ekt kak fenomen i ponyatie v sovremennoj psikhologii. Razrabotka ponyatij sovremennoj psikhologii. Eds. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2018. P. 116–161. (In Russian)
5. *Zhuravlev A.L., Sergienko E.A.* Analiz sovremenny'h ponyatij v psikhologii Chast' I. Opy't sistematizacii ponyatij. Psikhologicheskii zhurnal. 2021. V. 42. № 3. P. 5–15. (In Russian)
6. *Zhuravlev A.L., Sergienko E.A.* Sistemno-setevaya organizaciya sovremenny'h ponyatij psikhologii (na primere razrabotok sotrudnikov Instituta psikhologii RAN). Psikhologicheskii zhurnal. 2022. V. 43. № 3. P. 5–14. (In Russian)
7. *Zelenkova T.V.* Zarozhdenie idej post- i metamoderna v sovetskoy psikhologii. Sovetskaya psikhologiya: e'tap istorii nauki i mentalitet. Eds. A.L. Zhuravlev, D.V. Ushakov, A.V. Yurevich. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2024. P. 101–154. (In Russian)
8. *Konnov V.I.* Psikhologicheskaya teoriya v kontekste nauchnoj politiki pozdnego sovetskogo perioda. Sovetskaya psikhologiya: e'tap istorii nauki i mentalitet. Eds. A.L. Zhuravlev, D.V. Ushakov, A.V. Yurevich. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2024. P. 181–210. (In Russian)
9. *Mironenko I.A.* Biosocial'naya problema v sovetskoy psikhologii. Sovetskaya psikhologiya: e'tap istorii nauki i mentalitet. Eds. A.L. Zhuravlev, D.V. Ushakov, A.V. Yurevich. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2024. P. 270–307.
10. Nauchny'e podhody' v sovremennoj otechestvennoj psikhologii. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko i dr.; eds. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko, G.A. Vilenskaya. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2023. (In Russian)
11. *Noskova O.G.* Psikhologicheskoe nasledie A.A. Bogdanova. Sovetskaya psikhologiya: e'tap istorii nauki i mentalitet. Eds. A.L. Zhuravlev, D.V. Ushakov, A.V. Yurevich. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2024. P. 225–255. (In Russian)
12. *Petrovskij A.V., Yaroshevskij M.G.* Teoreticheskaya psikhologiya: Uchebnoe posobie dlya stud. psikh. fak. vy'ssh. ucheb. zavedenij. Moscow: Akademiya, 2001. (In Russian)
13. Sluzhba social'nogo razvitiya predpriyatiya: prakticheskoe posobie. Moscow: Nauka, 1989. (In Russian)
14. *Chiker V.A.* Ocenka personala v sovetskoy organizacionnoj social'noj psikhologii 1970 — nachala 1990-h godov: koncepciya i klyuchevy'e idei. Sovetskaya psikhologiya: e'tap istorii nauki i mentalitet. Eds. A.L. Zhuravlev, D.V. Ushakov, A.V. Yurevich. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2024. P. 496–515. (In Russian)
15. *Yurevich A.V.* Sovetskij chelovek kak sociokul'turny'j tip. Sovetskaya psikhologiya: e'tap istorii nauki i mentalitet. Eds. A.L. Zhuravlev, D.V. Ushakov, A.V. Yurevich. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2024. P. 626–642. (In Russian)
16. *Yurevich A.V.* Nравstvennost' v SSSR kak otrazhenie osobennostej sovetskoy e'pohi / Sovetskaya psikhologiya: e'tap istorii nauki i mentalitet. Eds. A.L. Zhuravlev, D.V. Ushakov, A.V. Yurevich. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2024. P. 658–672. (In Russian)